

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. Согомонов

Российские реформы и общественная солидарность

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sogomonov_reforms.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Российские реформы и общественная солидарность

Испокон века Россия отличалась от других современных стран отсутствием общественной солидарности. «Реформы сверху» и «сопротивление» им, которое было свойственно не только низам, но и консервативной части чиновничества и интеллигенции, обеспечили постоянство «гражданской войны», которая не давала укорениться реформам, а России стать успешной страной в конкурентном мире. Отсюда — волнообразный ход ее истории, то временные успехи, то глубокие откаты и застой. Принципиальный прорыв, который совершила Россия в последнее десятилетие, не ослабил тем не менее внутреннего накала. Политическая стабильность и относительная прозрачность результатов процессов не решили проблемы отсутствия общественной солидарности относительно основных направлений модернизации общества и государства.

*Александр Согомов,
академический директор,
Центр социологического
образования РАН*

Социально разбегающаяся страна

Сегодня мы находимся в условиях абсолютной политической стабильности. Кто против этого утверждения? Мы действительно живем в условиях большей предсказуемости и осязаемой стабильности. Однако стоит оговориться: довольных этой политической стабильностью становится все меньше. Парадоксальная ситуация: мы жаждали этой стабильности, но, получив ее, поняли, что она нас не устраивает, в том числе и потому, что какая-то важная часть общественных смыслов нашей жизни постоянно от нас уходит. Уверен, что нет такой второй страны в мире, которая, как Россия, жила бы в разных исторических временах. Ничего лучше не описывает наше самое недавнее состояние эпохи начала реформ как следующие данные: приблизительно каждый пятый представитель трудоспособного населения страны менял работу чаще, чем раз в год, а почти половина не меняла ее ни разу в своей жизни. Как такое может быть в «одной» стране?

На самом деле мы живем в совершенно «разбежавшейся» во времени, но в рамках одного географического пространства, социальной жизни. По одну сторону — те, кто не понимает (и не принимает) ценности и нормы современного общества, по другую — те, кто не

только их хорошо освоил, но и отлично использует как свой индивидуальный ресурс. Когда едешь по стране по вертикали, скажем, от Вятки до Северного Кавказа через все малые города, испытываешь глубочайший шок. Люди живут настолько разнонаправленно, что можно в одном географическом районе встретить тех, кто живет в 20-х годах прошлого века, и тех, кто еще пребывает в XVII веке. Тех, кто по-прежнему витает в кухонном представлении интеллигентской жизни 1960-х, и тех, кто уже улетел в космос индивидуализированного «общества мечты», и т.д. В этом смысле Россия — слепок глобализации с ее общественным разнообразием и разновременьем, но при этом она не похожа ни на какую другую цивилизационно близкую ей страну «продвинутого мира». Отважусь утверждать, что сегодня в России не существует самого элементарного понимания смыслов общего существования и развития. Чтобы глубже понять проблему, заглянем в историю.

Цивилизация «И»

Несколько лет назад я случайно наткнулся на трактат Василия Кандинского 1925 года, опубликованный в Берлине с потрясающим названием «И». В нем он утверждает, что вся предшествующая XX веку история и сам XX век были построены на логике «или-или». В основе современной истории всегда лежал жесткий выбор. Либо капитализм, либо социализм, либо либеральный путь, либо консервативный и т.д. Словом, либо «черное», либо «белое» в культуре и социальной жизни. Кандинский писал, что послевоенная ситуация начала XX века дает основание утверждать, что к концу его наступит новая цивилизация «И», в которой крайности смогут уживаться в одном обществе, в одном социальном пространстве. Между тем общество в его современном понимании было сформулирова-

но в России только в большевистском проекте, когда действительно все слои были перемешаны. И в результате такой мясорубки сформировалась ситуация, когда неважно, богат ты или беден, все расположены в горизонтальной плоскости. То есть наша первичная идентичность — это горизонтальное сопоставление людей, стоящих рядом и одинаково в каких-то базовых основаниях принимающих одну и ту же игру. Так как не было ни одного опыта, когда российское общество стремилось *самореформироваться*. Вспомним, что реформы в России всегда проводились сверху, навязывались политической волей.

В этой связи основная проблема сегодня — выбор пути дальнейшей модернизации страны. Если логично предположить, что модернизация по традиции вновь будет «навязываться» сверху, то это будет означать, что мы всегда будем отставать от всех стран, с которыми мы стараемся конкурировать, ибо меняемся по логике «или-или». Многие наши конкуренты не конструируются сверху, они меняются под действием внутренних импульсов, и их «мир» становится отличным от нашего. Там Общество строит удобную для себя власть, а у нас по-прежнему Власть конструирует удобное для себя общество.

Нескончаемая модернизация в России неизменно ставит вопрос о природе и истоках нашей солидарности. И здесь мы сталкиваемся с загадочным «И». Если по отдельности слова «модернизация», «солидарность» не вызывают вопросов, то союз «И» между ними применительно к России остается непонятным.

Опаздывать и бежать

Два глагола русского языка отмечают исторический путь нашего народа на протяжении, по крайней мере, последних четырех столетий — опазды-

вать и бежать. При кажущейся их смысловой связанности они на самом деле описывают различные состояния нашей прошлой и настоящей культуры. Складывание российского общества и становление квазисовременного российского государства постоянно обострялись состоянием цейтнота, а точнее, той катастрофической нехваткой времени, при которой переживание отставания от развитых стран Запада становилось не только фактором выживания страны, но и рациональным обоснованием буквально всех социальных, экономических и политических программ развития. Закрепившись в сознании и став устойчивой характеристикой умонастроения людей, отставание постепенно обрело контуры общей и фатальной «отсталости». А уж отсталость — в качестве фоновой и отчетливо осознаваемой исторической неизбежности — стала диктовать свои «правила игры» как для российских правителей, так и для ведомого ими народа. Отсталость ставила государственные задачи и принуждала общество к принятию роли жертвы исторически отстающего народа. Постепенно «отсталость» вошла в норму, обрела институциональный характер и легла тяжелым бременем в основу коллективных переживаний народа. Весь вопрос заключался в рефлексии по поводу степени отставания. И сколько бы попыток преодоления статуса отстающей страны ни предпринималось, каждый раз они завершались ощущением еще более углубившегося разрыва между нами и всем остальным развитым миром.

В то же время открытое — географическое и социальное — пространство России всегда сохраняло для нашего соотечественника потенциальную возможность для «выхода» из опаздывающего общества. Реформы и контрреформы, конфликты, потрясения, государственные перевороты, внутренние войны — все это **ни разу** не закончилось в истории страны солидаристическим согласием (примирением), а все-

гда кончалось **исходом** той или иной части населения за официальный горизонт социальности (расколом). У проигравших оставалась лишь одна социальная перспектива — бег. Правда, бежали по-разному. Бежали на север и на восток, мигрировали на запад и на юг, прятались в лесах и в горах, а то и просто замыкались в себе, уходили в пьянство и т.п.

Может ли народ, который то опаздывает, то бежит, ощутить себя «нацией»? У нас есть граждане, но нет «гражданской нации». Способен ли народ, который то опаздывает, то бежит, выработать позитивные солидаристические идеи? Ответ, как кажется, очевиден: вряд ли...

На развалинах советской пирамиды

Появление новых социальных и культурных координат в постсоветском российском обществе — самое интересное явление последних лет. Обычно общество мыслит само себя как пирамидальное: классическая пирамида — низ, середина, верх.

Советское государство развалилось политически. Но общество на месте его развала осталось тем же. А какой была «советская пирамида»? Самой низкой за всю новую историю человечества! Она изначально была выстроена как низкая пирамидка, настолько эгалитарным предполагалось ее основание (социальная тождественность в бедности и бесправии «советских людей»). Верхушка жила своей жизнью, постоянно внутренне модифицируясь, но в неизменном «отрыве» от общества. Только теперь пирамида постсоветского общества начинает потихоньку вытягиваться вверх: одни вырастают, другие уходят вниз, между ними возникают дистанции. Но конфигурация уродлива: слишком велики разрывы в теле пирамиды — там, где должны быть «скрепы». Стратегии жизни людей в вершине, сере-

дине и внизу общества — совершенно различные.

Нередко экономисты обращают внимание на парадокс российской хозяйственной системы: невозможность начать бизнес «с нуля» и пройти по ступеням укрупнения до самого верха. Между уровнями бизнеса, как и между ступеньками социальной мобильности, не существует лифтов и перемещение снизу вверх как массовая практика невозможно. Средний и крупный бизнес чаще всего сохраняют статус, с которого начинались. Это означает, что мы имеем капиталистическую экономику, но не имеем капиталистического общества со свойственной ему солидарностью.

Сейчас никто не хочет быть простым «советским человеком». Ни внизу, ни в середине, ни сверху. Но стратегии человеческой жизни столь различны, что люди разных уровней просто-напросто друг друга не понимают. И чем дальше, тем отчетливее они осознают, что **не хотят** понимать друг друга. Соответственно возникает вопрос: а есть ли выход из сложившегося солидаристического кризиса?

Концепции идентичности и солидарность

Сегодня поиск общего выхода имеет самые разнообразные сценарии. Я проводил интервьюирование многих экспертов относительно нашей общей идентичности, задавая один и тот же вопрос: «Какова идентичность России?». В итоге стало очевидно, что сегодня российская власть и российская элита находятся на развилке пути к солидарности. Имеются два крайних сценария решения проблемы выбора — примордиалистский и конструктивистский. Примордиалисты исходят из того, что этничность — это исторический факт, это объективная реальность страны. То есть они утверждают, что прототипы наций существовали

как данность с самого начала человеческой истории и что людям, принадлежащим к одной этнической общности, изначально и навсегда присущ некий набор культурных свойств, обусловливающих их поведение. А отсюда следует: у России был и по-прежнему имеется один солидаристический сценарий следования «своему» (чаще понимаемому как особый!) пути развития. Его трактовка принадлежит Власти, а обществу остается лишь принять его как культурную данность. Конструктивисты утверждают, что этничность — не простой, а сложный факт. А точнее, этничность есть манипулируемая субстанция, которую можно именно сконструировать на основе сознательных, целенаправленных и систематических усилий культурных и политических элит. Их сценарий солидарности — в искусственном построении «Гражданской нации», и если понадобится — в кардинальном разрыве с историческими традициями страны.

Транзит по-русски

Диагноз сегодняшнего развития страны я сформулировал бы очень просто: мы не завершили транзит, потому что не определились, какой исторический багаж мы навсегда оставляем в прошлом и какой приобретаем для будущего. Мы «заболтали» свой исторический транзит: мы все еще живем в культурном пространстве, не имея простых ответов на три базовых вопроса: каковы цели нашего исторического транзита? кто является субъектами общественной солидарности? в чем предмет нашего транзита?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо осознать, что до сих пор мы не смогли добиться ни политического, ни гражданского, ни национального согласия относительно самых фундаментальных для нашего совместного существования смыслов.

Первое условие успешного транзита — это когда ни одна из участвующих в политике сторон не подвергает сомнению основы, на которых строятся политические процессы, принципы построения демократических институтов и процедур, конкуренция, ротация власти и т.д. Второе требует, чтобы основные политические субъекты договаривались о том, что является основой гражданского состояния в стране. Третье заключается в решении проблемы самоидентификации в новом культурном контексте. Все попытки в 1990-х придумать для нас новые гражданские словосочетания, например, «россияне», почему-то никак не приживаются. Происходит это не только потому, что нет отчетливого понимания, что такое «россияне» вообще, а скорее потому, что за этим ярлыком — непрозрачная реальность. Одним словом, мы не развели нашу с вами собственную этничность с гражданской нацией. Вот мы и остаемся по-прежнему в состоянии «депрессивной нации», которая то бежит, то опаздывает. И совершенно не ясно, каким образом в этом движении достигается общественное согласие, кто с кем договаривается на разных ступенях лестницы «власть—общество».

Возразить нельзя согласиться

Популярность сегодняшней исполнительной власти очень просто объясняется. Нормальный человек, живущий в нашей стране, даже трезво взвесив, не понимает, кому он мог бы делегировать полномочия кроме тех, кто сейчас действительно управляет страной. Есть ли у избранного президента политическая альтернатива — вопрос риторический, ведь он безальтернативно пришел к власти. Не случайно мы сегодня заинтригованы персональными отношениями внутри модели «тандемодемократии» больше, чем любыми другими вопросами стратегии и тактики развития.

Поэтому зачем нам договариваться, когда власть сама предложит Модель? Нам предложат — мы согласимся. Но это же никакое не «согласие»! Общественное согласие возможно только в условиях диалога, когда много участников коммуникативного процесса. А здесь нет и простого диалога. Помимо вопроса «С кем?» еще страшнее вопросы «О чем договариваться?» и «Кто является гарантом нашего согласия — человек, люди или институты?». Может ли сегодня исполнительная власть гарантировать согласие? Вряд ли, так как она претендует на всеобъемлемость. Раньше мы наивно предполагали, что парламент сможет стать площадкой выработки согласия, но он слишком слаб политически и морально. Вводить какой-то новый согласительный орган — и без того публичная сфера институционально перенасыщена. Словом, у меня нет однозначных ответов на эти вопросы. Впрочем, поиском ответов не должен заниматься отдельный человек, они рождаются в публичных дискуссиях. Но и там пространство взаимодействия неуклонно сокращается.

Я думаю, что сегодня как никогда остро перед российской политической элитой стоят три важнейшие задачи: как распорядиться тем, что она получила; как обеспечить, чтобы между обществом и властью возник действительно конструктивный и партнерский диалог; как добиться того, чтобы общество не просто соглашалось, но и могло возражать, а в итоге понимало, что сегодняшний курс является курсом, им одобренным. В заключение повторюсь: на сегодняшнем этапе российской модернизации самая главная проблема — добиться общественной солидарности по поводу правил игры и ценностей, чтобы добиться успеха. Без этого мы останемся на задворках мира «или-или» и никогда не приблизимся к заветному «И», открытым нашим великим художником и ярким мыслителем.